

Лев ДУРОВ:

– Без Никулина мир стал и беднее, и скуднее, и скучнее. В нем поражало соединение великой актерской славы и невероятной его приземленности. Мы праздновали 40-летие Театра на Малой Бронной. Я пригласил Никулина, а его все нет, я хожу за кулисами, волнуюсь. Вдруг в середине вечера появляется Никулин, весь в снегу, в каком-то невероятном послевоенном пальто с жутким каракулевым воротником и – с собачкой. «Где этот ... что же он ... меня не пригласил? Иди сюда, – зовет собачку, она садится с ним рядом. – У нас с этим театром большие связи. Моя собачка всегда ходит писать к ним под лестницу». И ушел. После чего вечер практически кончился. Кто бы ни вылезал выступать, это было бесполезно. А самая страшная история была, когда однажды я стал свидетелем и участником самой настоящей массовой истерики. Был общественный просмотр новой цирковой программы. Никто еще не знал Никулина. Ни фильмов не было, ни его программ. Отскакали наездники. «Ну, кто хочет быть артистом?» Вытаскивают из зала человека в замас-

ленном бушлате, в замызганной ковбойке, из которой торчит тельняшка. Сломанный козырек на мичманке, кирзовые сапоги. И когда вышло ЭТО и начало в ужасе смотреть на амфитеатр, зал потихоньку начал хрюкать. Потому что такого – лица, глаз – просто быть не могло. А женщина, которая сидела с ним рядом, с авоськой с колбасой и апельсинами, говорит: «Куда пошел? Иди сюда. Тоже мне, артист». Это была Юрина жена Татьяна, которую тоже никто еще не знал. А дальше началось... Наездники его подсаживают на лошадь, он, конечно, переваливается, падает лицом в опилки. Как он их вынимал, как складывал куда-то, как начинал долго рассматривать и жевать задумчиво. Хрюканье перешло в массовую истерику. Напротив меня в ложе сидел Михаил Иванович Жаров. Он стал фиолетовым, он хрипел, он выпал из ложи, его затаскивали обратно, а он почему-то показывал всему цирку на Никулина: «Ва-а, ва-а, ва-а» – будто того никто не видел. И как бывает во время такого грохота, вдруг воцарилась секундная пауза, и Жаров на весь цирк закричал: «Ой, я описался». В том-то и дело, что не обманул. Но и все были на грани. В антракте бросились в туалет, не разбирая, где «М» и где «Ж». Представление рухнуло. Выскочил жонглер на лошади с тремя булавами, булавы посыпались ему на голову. Акробаты вскочили друг другу на головы и рассыпались, убежали. И я тогда, помню, подумал: ну не может быть больше такого артиста.

Лев Дуров

Общая газета - 1998, - 17-23 дек. с. 16